

— С-с... голова раскалывается.

Чэн Минь пришёл в себя от невыносимой боли. В ушах гудело так, словно череп превратился в растревоженный улей, и тысячи пчёл, яростно хлопая крыльями, пытались пробиться наружу через темя.

Он несколько раз хлопнул себя ладонями по вискам, прогоняя навязчивый шум, тряхнул головой и поднялся, озираясь.

Этот туннель отличался от того, в котором они были в прошлый раз.

Тот был просто туннелем: гладкие стены, сводчатый потолок и прямая, как стрела, дорога без единого препятствия. Место же, где он очутился сейчас, больше походило на просторную комнату, искусно вписанную в пространство свода. Точнее — на огромную кемпинговую палатку размером с жилой дом.

Обстановка внутри была полной: мебель на своих местах, уютный «милый» интерьер, напоминающий детскую. Стены пестрели нежно-желтыми и розовыми квадратами. У стола, приткнутого к стене, сидел человек.

Вздвогнув от неожиданности, Чэн Минь быстро подошёл и растолкал Цинь Яо.

«В этом мире внешность осталась прежней?» — промелькнула мысль.

— М-м? — Цинь Яо, словно только что проснувшись, сладко потянулся. — Мы где?

Чэн Минь зажал нос и пропищал противным фальцетом:

— Это ваш замок, принцесса Яо-яо!

От этих приторных слов Цинь Яо мгновенно пришёл в себя. Спрыгнув на пол, он уже приготовился вступить с Чэн Минем в бой не на жизнь, а на смерть, но на полпути его перехватили.

Он обхватил его за талию. Его ладони почти сошлись на узком поясе юноши — тот был таким мягким и податливым, что его так и подмывало потискать.

Цзыман, как куклу, перенёс Цинь Яо к игрушечному стеллажу.

Там в ряд были расставлены очаровательные куклы: огромные глаза, вздернутые носики, крошечные ротки и длинные загнутые ресницы. Все они были наряжены в пышные кружевные платья в цветочек.

Чжан Цзыман перевёл взгляд с кукол на Цинь Яо, сравнил их и кивнул:

— Похож.

Цинь Яо вытаращил глаза и, указывая на золотоволосую куклу рядом, яростно взревел:

— В каком месте?!

Чэн Минь тоже присмотрелся. Если не считать длинных волнистых локонов, то во всём остальном кукла действительно... чертовски напоминала Цинь Яо! Та же белая кожа, хрупкое телосложение и изящные черты лица.

Чжан Цзыман лишь приподнял бровь, предпочтя промолчать.

Чэн Минь не унимался. Снова зажав нос, он приторно засюсюкал:

— Ваше Высочество, не гневайтесь! Я сейчас же принесу вам самое роскошное платье в мире! Когда вы переоденетесь, вы станете прекраснейшей из принцесс! Ни одна кукла с вами не сравнится!

Цинь Яо бросился на обидчика, и они, играя в кошки-мышки, умчались в другой конец комнаты.

Оставшийся на месте Чжан Цзыман прикрыл рот ладонью, пряча лицо, но из-под пальцев всё равно виднелись два ряда белоснежных зубов, обнажившихся в улыбке, а сам он смотрел с неприкрытой нежностью.

В дальнем углу стояла огромная кровать под балдахином. У изголовья горели два ночника в форме мультяшных медуз, разливая мягкий, тёплый свет. Тяжёлые пологи спускались с самого потолка, скрывая того, кто лежал внутри, — можно было лишь различить смутный силуэт.

Чэн Минь отступил к кровати и резко вильнул в сторону. Цинь Яо, не успев затормозить, по инерции рухнул прямо на матрас, обрывая по пути несколько занавесей.

— А-а!

С кровати донёсся истошный вопль. Чэн Минь, похолодев, откинул слою путаной ткани.

Подошедший Чжан Цзыман тоже замер.

На «кровати принцессы» запутавшийся в шелках Цинь Яо лежал... аккуратно верхом на Юй Фансюе.

Две тени метнулись к кровати, растаскивая своих подопечных.

Цзыман, бесцеремонно обрывая остатки шёлка с Цинь Яо, про себя отметил: «Хорошо хоть, в несколько слоёв замотался».

С другой стороны Чэн Минь, движимый инстинктом, попытался скрыть неловкость. Едва отпустив Юй Фансюя, он хотел отойти подальше, но тот вцепился в него мёртвой хваткой и увлёк за собой обратно на мягкий матрас.

— Сяо Минь! У-у-у... — Юй Фансюй завыл в голос. — Я осквернён! Не смей меня презирать... О-о-о...

Он рыдал так громко и надрывно, словно в мире не осталось ничего, кроме этого горя.

— Цыц! Пусти, не липни ко мне! — У Чэн Миня волосы на затылке встали дыбом. Он попытался отодрать от себя Юй Фансюя, но тот прилип к нему, как банный лист.

— О-о... Сяо Минь... ты... ты меня бросаешь...

Чэн Минь закатил глаза:

— Слишком фальшиво ревёшь.

Громкие рыдания мгновенно прекратились, будто кто-то перекрыл кран.

Юй Фансюй поднял голову:

— Серьёзно?

— А ну брысь с меня! — Чэн Минь толкнул его в грудь, отряхнул одежду и поднялся.

Юй Фансюй остался сидеть на кровати, с досадой размышляя: неужели он и впрямь такой плохой актёр?

— Давайте искать выход, — обратился Чэн Минь к Чжан Цзыману.

Он уже успел осмотреться: место было необычным. Если посмотреть налево или направо, туннелю не было видно конца — значит, выход не с боков.

Разделившись, они принялись искать зацепки.

Чэн Минь распахнул платяной шкаф. Внутри висели ряды великолепных вечерних платьев, а с самого края — два идеально отутюженных мужских костюма.

— Ого, принцесса-то непростая! — Чэн Минь хмыкнул.

Оставалось только гадать: то ли это была бойкая девица, то ли «король переодеваний».

— Фу, куклы... — Юй Фансюй, проходя мимо стеллажа с игрушками, обошёл его по широкой дуге, словно там кишели ядовитые змеи.

Чэн Минь вспомнил, что Юй Фансюй до смерти боится кукол, особенно тех, что выглядят как живые. Тот всегда считал, что они похожи на трупы, которые отказываются гнить.

Вообще-то, Чэн Минь и сам недолюбливал кукол из ужастиков, но те, что стояли в этой комнате, казались вполне безобидными. Если не накручивать себя, то ничего страшного.

— Может, возьму одну с собой? — ехидно предложил Чэн Минь.

Юй Фансюй нервно обернулся, сглотнул и попытался договориться:

— Сяо Минь, давай не надо...

— А что такого? Мне ночью одному спать скучно будет, обниму куклу, — весело продолжал Чэн Минь, копаясь в ящиках письменного стола.

— Обними меня! Я гораздо больше любой куклы, обнимать меня приятнее, и я мягкий, — Юй Фансюй демонстративно напряг бицепс. Он прекрасно понял, что Чэн Минь его дразнит, и ударил по больному месту: — А если явится призрак, я смогу тебя защитить, разве нет?

— Тьфу-тьфу на тебя! Не накликай беду! — Чэн Минь предостерегающе ткнул в него пальцем.

Юй Фансюй внезапно подбежал ближе. Чэн Минь тут же насторожился, отступил на два шага и скрестил руки на груди:

— Ты чего?

— Ну, раз тебе так нравятся куклы... — Юй Фансюй покосился на шкаф. — Я могу нарядиться куклой, обнимай меня сколько влезет!

Чэн Минь онемел от такой наглости.

Юй Фансюй вытянул из шкафа пышное розовое платье, приложил к себе и игриво подмигнул.

В другом конце комнаты Цинь Яо поднял голову, прислушиваясь: откуда это доносятся звуки рвотных позывов?

— Иди сюда, посмотри, — голос Чжан Цзымана отвлек его.

Цинь Яо подошёл и увидел в руках у Цзымана дневник. Он протянул руку, чтобы расстегнуть серебряную застёжку на обложке.

— А? — Юноша нахмурился. На его пальце осталось пятно крови.

Чжан Цзыман попытался стереть кровь с кончика его пальца, но она не поддавалась, словно въелась в кожу.

Они опустили взгляд на дневник: серебряная пряжка сияла первозданным блеском, на ней не было ни пятнышка, будто её только что отполировали. Откуда взялась кровь?

— Мамочки...

Когда Цинь Яо снова посмотрел на руку, кровь исчезла.

— Это ведь не галлюцинация? — Он посмотрел на напарника.

Чжан Цзыман покачал головой. Чтобы у двоих одновременно возникло одно и то же видение — невозможно. Похоже, в этот раз всё будет куда серьёзнее.

Тем временем Чэн Минь, с трудом справившись с приступом тошноты, подошёл к ним вместе с Юй Фансюем. Тот уже успел отшвырнуть розовое платье подальше. Наедине с Чэн Минем он мог забыть о приличиях, но при посторонних старался хоть немного держать марку.

— Сяо Минь, глянь-ка на это, — сказал Цинь Яо.

Чэн Минь взял дневник, привычно щелкнул застёжкой и начал листать.

— Дневник? И чей он? — Он пробежал глазами даты. Записей было порядочно.

Цинь Яо нахмурился:

— С пальцем... всё в порядке?

Чэн Минь помахал рукой перед его лицом:

— Всё отлично. Пять пальцев: один, два, три, четыре, пять.

— В чём дело? — Юй Фансюй, заметив выражения лиц Цзымана и Цинь Яо, понял, что что-то не так.

Обычно, найдя дневник, его просто открывают. Но Цинь Яо, передавая книгу Чэн Миню, явно специально застегнул пряжку.

— С этой застёжкой что-то не то? — Юй Фансюй взял дневник, потер металл подушечкой пальца, а затем щелкнул по нему ногтем.

Дзинь!

Звук был чистым, но неприятным — резким, режущим слух.

Юй Фансюй потер ухо и похлопал по обложке:

— Вещица с секретом, а?

Цинь Яо рассказал о том, что только что произошло. Чэн Минь тут же отмахнулся:

— Да ладно, наверняка просто показалось.

— Он тоже видел, — Цинь Яо указал на Чжана Цзымана.

— Давайте сначала почитаем, — решительно раскрыл дневник Юй Фансюй. — Всё равно пока нам ничто не угрожает.

Страницы были не то чтобы древними, но и не новыми — пожелтевшие от времени, но ещё крепкие. Почерк был округлым, мелкоубористым и очень милым. Видимо, чтобы писать ровнее, ребёнок разлиновал страницы поверх рисунков карандашом другого цвета, а поля украсил множеством нарисованных фломастерами человечков.

— «23 июля, ясно. Мама сегодня принесла много новых материалов, я снова могу делать кукол! Мама такая добрая...» — Юй Фансюй вполголоса читал записи, поглядывая на стеллаж. — Так, значит, этих кукол смастерил ребёнок.

Дети всегда ассоциируются с чистотой и невинностью. Узнав это, Юй Фансюй почувствовал, что куклы уже не кажутся ему такими жуткими.

— «1 августа. Мама снова принесла материалы, и их так много! Удивляюсь, как долго она их копила».

— «3 августа. Мама принесла ещё больше материалов, я уже не успеваю их использовать...»

— «15 августа. Кем же всё-таки работает мама? Почему она говорит, что эти материалы — остатки от её работы?»

— «Почему эта кукла так похожа на меня? Мама говорит, что сделала её по моему образу, что это подарок, но кукла выглядит очень странно...»

Содержание казалось безобидным, если не считать странной одержимости ребёнка куклами. Но что по-настоящему приковывало взгляды, так это рисунки на полях.

От милых пупсов они постепенно превращались в кукол без рук и ног, затем — в кукол с оторванными головами, и, наконец, в существ с залитыми кровью лицами...

Дойдя до конца, Юй Фансюй всучил дневник Чэн Миню и отошёл в сторону, переводя дух. Хоть рисунки и были схематичными, глаза и носы на них были прорисованы так четко, что становилось не по себе.

Чэн Минь тоже почувствовал дискомфорт, но сдержался. Он терпеливо листал дальше, отмечая, что дневник вертится вокруг трёх тем: куклы, «материалы» и мама.

— Может, тут детский труд эксплуатировали... — пробормотал он.

На последней странице все трое оживились: наконец-то что-то новое.

— «Сегодня мой день рождения. Мама обещала сводить меня погулять и сказала, что мы пойдём на какой-то праздник», — Чэн Минь вчитывался в каждое слово, стараясь не упустить ничего важного. — «Я видел приглашение — там такая красивая золотая лента, она мне так нравится! Я хотел положить приглашение под подушку, но мама сказала, что я его потеряю, и велела спрятать. А я-то видел: она спрятала его в шкаф. Сейчас я его стяну и положу в свой тайничок! Вместе с дневником:)».

Тайничок?

Чэн Минь поднял голову и увидел празднично шатающегося неподалеку Юй Фансюя. Он слегка толкнул локтем Цинь Яо, который всё ещё изучал дневник.

— Яо-цзы, скажи ему, пусть поищет этот «тайничок».

Цинь Яо удивленно вскинулся:

— Почему я?

— Ну, скажи ты, — Чэн Минь старательно делал вид, что ему всё равно. — Мне лень с ним разговаривать.

Цинь Яо одарил его красноречивым взглядом.

— Юй Фансюй! — Цинь Яо сложил ладони рупором. — Твой Сяо Минь просит тебя найти какую-нибудь штуку, похожую на тайник... М-м-пф!

Юй Фансюй, глядя, как Чэн Минь в панике зажимает Цинь Яо рот, усмехнулся и крикнул:

— Будет сделано!

— Ты что несёшь?! — Чэн Минь в шутку принялся трясти Цинь Яо за плечи.

Тот, закатив глаза и высунув язык, потянулся рукой к напарнику:

— Цзыман... спаси...

Чжан Цзыман в мгновение ока перехватил Цинь Яо, прижал к себе и принялся мягко массировать его шею, на которой остался красный след от встряски.

Цинь Яо, жадно хватая ртом воздух, прохрипел:

— Ты меня чуть не придушил!

Чэн Минь посмотрел на стоявшего рядом Чжан Цзымана, который выглядел как грозный страж, и фыркнул. Ввязываться в драку «двое против одного» — затея гиблая, лучше ретироваться.

— Если не хочешь «двое против одного»...

Чэн Минь замер.

Чжан Цзыман, не поднимая головы, невозмутимо продолжил:

— Найди себе пару, и будет честно.

«О чём это он... Совсем не понимаю!»

Когда Чэн Минь отошёл, Цинь Яо ткнул Цзымана пальцем в плечо:

— Эй, ты что это, в свахи заделался?

Цзыман нахмурился: «Ну и словечки у него».

— Ладно-ладно, Лунный старец ты наш, — хихикнул Цинь Яо, увлекая Чжан Цзымана за собой.
— Обычно и слова не вытянешь, а тут — смотри-ка, какая человечность проснулась. Решил судьбы связывать?

— Нет.

— Как это «нет»? Самое настоящее сводничество. Когда научился-то, а? Колись.

— Неправда.

Чжан Цзыман сосредоточенно искал «тайник», о котором говорилось в дневнике. Каждый раз, когда Цинь Яо пытался подколоть его снова, он просто упирался пальцем ему в лоб и указывал в другую сторону: «Иди ищи улики».

Раньше, когда Цзыман только начинал ухаживать за Цинь Яо, Юй Фансюй давал ему дельные советы. Он помнил добро. Его собственное дело уже было «на мази», так что пришло время отплатить услугой за услугу и немного помочь Юй Фансюю.

<http://bllate.org/book/17517/1659485>